

при этом каждый из агентов обладает своей независимой системой оценок. Подобный подход позволяет обогатить анализ теоретико-игровыми средствами, поэтому становится возможным описание важных для неутилитаристских моделей нормативных конфликтов. Также базовые деонтические операторы переопределяются на основе окрестностной семантики, что позволяет эксплицировать идеи поздних вариантов концепции Дж. Ролза (в частности, идею “перекрывающегося консенсуса”).

ЛИТЕРАТУРА

1. Harty J. *Agency and deontic logic*. – Oxford: Oxford University Press, OUP, 2001.
2. Rawls J. *A theory of justice*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
3. Rawls J. *Political liberalism*. – New York: Columbia University Press, 2005.

Б. Т. Домбровский

Львов, mega@mail.lviv.ua

РЕИЗМ КАК ПРИЧИНА ПОЯВЛЕНИЯ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Опираясь на историю логики, И. Кант констатирует завершение ее развития, хотя и отмечает попытки раздвинуть границы столь древней науки. Кенигсбергский мудрец опоздал, и его согласие считать принципы логики априорными уже не могло сдерживать систематической осады укрепленных средневековым пограничным стенами Органона. Можно даже сказать, что с его критики разума субъекта и начался систематический

штурм традиционной логики, чего он, разумеется, не желал. Покоившийся на эмпиризме скептицизм Д. Юма, пробудивший Канта от метафизической спячки, уже достаточно давно устами Ф. Бекона провозгласил появление новой логики. И покамест индуктивная логика отдельных вещей не пришла в соприкосновение в едином суждении с логикой понятий, до тех пор обе логики шли параллельными путями, позволяющими континентальным философам не замечать успехов своих островных коллег. Некоторые случаи проникновения логик, покоящихся на различных основаниях — рациональном и эмпирическом, трактовались как исключения: единичные суждения подводились под понятие общих, а обозначения вещей обладали также и коннотацией. И только тогда, когда суждение стало точкой приложения усилий по реформированию традиционной логики, только тогда провозглашенный Просвещением прогресс стал возможен и в Органоне.

Если бы очнувшийся от поступи прогресса Кант не считал шаги, пройденные логикой со времени Аристотеля, и не констатировал бы в ней застоя, а присмотрелся к суждению, то увидел бы, что логика непрестанно развивалась со всей философией: у Аристотеля суждение отвечало на вопрос “о чем?”, схоласты акцент сместили на “что?”, а у Декарта мыслящая вещь дает ответ на вопрос “кто?”. Возможно, Канту для правильного положения дел в логике не хватало вопроса “как?”. О. Конт его задал, и к моменту тотальной атаки на суждение кумулятивный эффект его исторического развития выглядел так: как (кто (что (о чем))) судит? Возникнувший на повестке дня вопрос “как?” самим же позитивизмом в фазе эмпириокритицизма был отнесен к языку, что и привело к неопозитивизму, окончательно устранившему индуктивную логику с

пути реформирования логики традиционной. Парадигма психологизма, сформированная вопросами “кто?” и “как?”, к началу XX ст. стала господствующей. Психологическое творчество устранило понятие и на его место ввело отдельную вещь, в результате чего частное суждение оказалось в центре внимания едва ли не всех реформаторов логики (А. Тренделенбурга, Й. Гербарта, Ф. Brentano, А. Мейнонга, Н.А. Васильева). Онтологическим тупиком психологизма стал реизм, проявившийся в парадоксах именования и потребовавший нового Органона. Таковой был обретен в математике и только потому, что она не имела ничего общего с реизмом как эмпирической доктриной, построенной на психологизме. Широко же понимаемое творчество требовало ревизии оснований самого Органона.

Творческие мотивы Я. Лукасевича здесь не могут быть даже упомянуты, но они подвигли его к написанию монографии “О принципе противоречия у Аристотеля” (1910), одна из глав которой названа “Неаристотелева логика” и в которой утверждается, что возможно научное мышление без принципа противоречия. Но начинается эта глава предложением: “Насколько мне известно, до сих пор в логике фикций никто не создавал”. Неприятие Лукасевичем психологизма, порождающего фикции, трезвая креационистская позиция понудили его со временем оставить ревизию принципа противоречия, тесно связанного у Аристотеля с онтологией, и заменить его принципом исключенного среднего, трактуемого как модальность. Н.А. Васильев же в анализе отдельной вещи пошел до конца, т. е. до окончательного разделения эмпирического и рационального оснований в логике, причем выражением последнего стал “закон абсолютного различения истины и лжи”, запрещающий “противоречие в субъекте”. Однако разделение Василье-

ва оказалось преодолением картезианского дуализма, а тем самым самоидентификацией мыслящей вещи посредством только утвердительных суждений металогики, оказавшихся суждениями о факте, а не о понятии: отрицательное суждение отрицало бы высказавшего его субъекта. Такой субъект, полагающий, что “темнота [...] вовсе не ощущение отсутствия света”, занимает позицию Творца, наделяя переживаемые им состояния посредством уже известных ему слов самостоятельным существованием. А значит, если бы в металогики были отрицательные суждения, то они отрицали бы собственно существование. Поэтому апофатика в металогики Н.А. Васильева является запретом на существование, что и демонстрирует отсутствие в ней отрицательных суждений, высказанных мыслящей вещью. Позитивным выражением запрета на существование (включая инскрипцию) в металогики оказывается закон исключенного второго. Распространяется ли этот запрет на существование в традиционной логике с произвольным исключенным истинностным значением? Если — нет, как считает Васильев, то возможны ли иные типы суждения, кроме индифферентного? Или придется прибегать к формализации? История логики утвердительно ответила на последний вопрос, оставив открытым вопрос интерпретации истинностных значений в многозначной логике. Заостренный до реизма психологизм с необходимостью вызывает реакцию естественного языка, запрещающую существование если не субъекта, высказывающего суждение, то непременно предмета суждения. Поэтому отдельная вещь может “существовать” только в воображаемой логике, а не в логике традиционной, в которой единичное понятие, сохраняя объемом существование такой вещи, навсегда останется только частным случаем.